Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/PSQTOD
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53 +
83.3(2Рос=Рус)52

ОПЕРЕЖАЯ Л.Н. ТОЛСТОГО: ТОЛСТОВСКИЕ ТЕМЫ И ТОЛСТОВСКИЙ «ТОН» В РАННЕЙ ПРОЗЕ И.А. БУНИНА

 Е.Р. Пономарев
Институт мировой литературы Российской академии наук, Москва, Россия; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, С.-Петербург, Россия
Дата поступления статьи: 25 февраля 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 15 апреля 2024 г.
Дата публикации: 25 декабря 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-206-221

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при поддержке РНФ (проект № 22-18-00347 «Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)»)

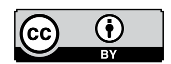
Аннотация: Влияние Л. Толстого на творчество И.А. Бунина неоднократно рассматривалось в научной литературе, в том числе и автором этой статьи. Настоящая работа существенно расширяет традиционный взгляд, впервые включая в сферу этого влияния самую раннюю прозу Бунина, начиная с двух первых напечатанных рассказов. Показан ранее не замеченный процесс «опережения», когда Бунин пишет рассказы на некоторые характерно толстовские темы чуть раньше Толстого, а затем с восторгом читает написанное на ту же тему Толстым. «Опережение» представляется чрезвычайно важным моментом в осознании Буниным своей творческой близости Толстому. Вторая часть статьи рассматривает толстовский «тон» в некоторых произведениях Бунина, а также использование темы Толстого и толстовства в ранних рассказах как приема актуализации диалогов, моральной оценки персонажей. Статья демонстрирует, что влияние Толстого на Бунина-прозаика началось с самых первых опытов последнего и ощущалось на протяжении всего раннего творчества.

Ключевые слова: Бунин, раннее творчество, Лев Толстой, поэтика, литературные влияния.

Информация об авторе: Евгений Рудольфович Пономарев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, наб. р. Фонтанки, д. 15, 191011 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5508-6532

E-mail: eponomarev@mail.ru

Для цитирования: *Пономарев Е.Р.* Опережая Л.Н. Толстого: толстовские темы и толстовский «тон» в ранней прозе И.А. Бунина // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 4. С. 206–221. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-206-221

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 4, 2024

AHEAD OF LEO TOLSTOY: TOLSTOY'S THEMES AND TOLSTOY'S "TONE" IN THE EARLY PROSE OF IVAN BUNIN

© 2024. Evgeny R. Ponomarev
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian Christian Academy for Humanities, St. Petersburg, Russia

Received: February 25, 2024
Approved after reviewing: April 15, 2024
Date of publication: December 25, 2024

Acknowledgements: The reported study was carried out at the IWL RAS and funded by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00347 "Early Works of Ivan Bunin: Poetry, Prose, Criticism, Journalism, Translations (1883–1902)."

Abstract: Many researchers, including the author of this article, repeatedly examine the influence of Leo Tolstoy on Ivan Bunin's works. The article significantly expands the traditional view, for the first time including within the sphere of this influence Bunin's earliest prose, starting with the first two published stories. The research demonstrates the process of "being ahead of Tolstoy": it means that Bunin writes stories on some characteristically Tolstoy's topics a little earlier than Tolstoy himself and then reads with delight what Tolstoy wrote on the same matter. "Being ahead" represents a crucial moment in Bunin's awareness of his creative affinity with Tolstoy. The second part of the article examines Bunin's use of Tolstoy's "tone" in some of his works, as well as the use of Tolstoy's theme and the theme of Tolstoyism in early stories as a technique for actualizing dialogues, as well as a moral assessment of characters. The article demonstrates that Tolstoy's influence on Bunin's prose began with the first opuses and continued throughout all his early work.

Keywords: Bunin, early works, Leo Tolstoy, poetics, literary influence.

Information about the author: Evgeny R. Ponomarev, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; Professor, Russian Christian Academy for Humanities, Fontanka Emb., 15, 191011 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5508-6532

E-mail: eponomarev@mail.ru

For citation: Ponomarev, E.R. "Ahead of Leo Tolstoy: Tolstoy's Themes and Tolstoy's 'Tone' in the Early Prose of Ivan Bunin." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 4, 2024, pp. 206–221. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-206-221

В последние годы жизни И.А. Бунин вспоминал о своих первых впечатлениях от чтения Л.Н. Толстого:

> Не помню, когда именно начал я читать Толстого и как случилось, что я выделил его из прочих. Бывает, что человек открывает что-нибудь прекрасное и дорогое для него внезапно, с изумлением. Этого со мной по отношению к Толстому не было, такой минуты я не помню [10, с. 66].

В основополагающих монографиях о Бунине, созданных в XX в. [4; 6], утверждалось, что толстовское влияние на творчество Бунина начинается примерно тогда же, когда Бунин увлекся толстовством и провел чуть больше года в кругу толстовцев, — т. е. во время жизни писателя в Полтаве в 1892–1894 гг. Несколько рассказов, созданных в эти годы и через некоторое время напечатанных в народническом «Русском богатстве», наряду с непринятым в этот журнал рассказом «На даче», традиционно именовались толстовскими [5]. При этом почти незамеченным осталось влияние творчества Л.Н. Толстого на самое раннее творчество Бунина.

Самые первые опубликованные прозаические опыты Бунина — «Два странника» и «Нефедка» (оба 1887) — довольно близки толстовской тематике конца 1880-х гг. Оба произведения так или иначе рассказывают о духовном преображении человека. Еремушка из «Двух странников» (в варианте 1889 г., напечатанном в «Орловском вестнике», имя главного героя изменится на Тимоша), как бы спасает собственной (праведной) смертью душу пьяного мужика, зарезанного беглым монахом Рафаилом ради денег. Этот смысл не прочитывается напрямую, но он ощутим в под-

тексте; его формирует ключевая фраза, произнесенная главным героем: «...не губи душу его! Куда она должна пойти?.. Ведь в ад... Братик, послушайся, не льстись!..» [11, стб. 1227]. Если же, допустим, не заметить этот подтекст, то рассказ все равно ориентирован на нравственную проблему: уклонение героя от греха (Рафаил предлагает Еремушке соучастие в краже и убийстве) стоит ему жизни, но, так или иначе, Еремушка умирает как праведник. Он не смог предотвратить убийства и замерзает в метель в снежном поле, не найдя дорогу к жилью. Череду «метельных текстов», прослеженных в творчестве Бунина К.В. Анисимовым [1], на наш взгляд, следует начинать не «Хозяином и работником» Толстого, прочитанным Буниным сразу после выхода рассказа в 1895 г., а значительно раньше — «Двумя странниками» 1887 г. В этом случае самый первый замерзающий в поле герой Бунина (а замерзающих героев в дальнейшем его творчестве будет немало) в какой-то мере предшествует купцу Брехунову и его преображению. Собственно, произведение на тему замерзания (очень национальное, связанное с малой заселенностью российских просторов и необустроенностью дорог) стало первым произведением Бунина, в котором он пытается заглянуть в сам процесс умирания. Пристальный интерес к смерти и умиранию, безусловно, роднит его с Толстым тематически, что позднее будет подчеркнуто и в книге «Освобождение Толстого». Предсмертным видениям Еремушки посвящена вся последняя главка рассказа — и здесь типологическим ориентиром молодому Бунину могли послужить сразу два текста Толстого.

Во-первых, это 12 глава рассказа «Севастополь в мае» с предсмертными мыслями ротмистра Праскухина, занимающими большую часть главы. В.Н. Муромцева-Бунина утверждала, что Ваня Бунин подростком читал «Севастопольские рассказы». Этот эпизод мог отложиться в его памяти еще и потому, что его в подробностях цитирует Н.Г. Чернышевский в статье 1856 г. (той самой, в которой появляется словосочетание «диалектика души»), посвященной «Детству», «Отрочеству» и военным рассказам Толстого. Полагаем, осваивая критическое наследие Чернышевского (а с этим наследием его непременно должен был познакомить старший брат Юлий), Бунин наверняка прочитал эту статью. Во-вторых, это рассказ Толстого «Метель» (1856). Видения, которые посещают заснувшего героя под завывания холодного ветра (в этом рассказе герой не умирает, история имеет счастливый конец), тоже могли (если юный Бунин был знаком с этим

произведением Толстого) типологически повлиять на последнюю часть «Двух странников».

История, рассказанная в «Нефедке», приводит к духовному преображению главного героя — в отличие от первого рассказа, не предсмертному, а предполагающему все дальнейшее изменение жизни. И хотя Нефедка обретает новый смысл жизни именно в Рождественскую ночь и, привлеченный церковным благовестом, приходит на службу в храм (Толстой, как известно, полагал, что традиционные христианские праздники не имеют мистического значения, а официальную церковь вообще не считал подлинно христианской), типологически это именно то покаяние и преображение, когда человек отрекается от прежней неправедной жизни и меняет все свое поведение. Духовные переломы, покаяние и преображение вошли в моду, в том числе и в литературе, после появления трактатов «Исповедь» и «В чем моя вера?». Сыграла важную роль в этом процессе и повесть «Смерть Ивана Ильича», опубликованная в 1886 г.[1] Таким образом, Бунин, не совсем по-толстовски оркеструя сюжет, пишет на важную толстовскую тему.

Продолжая эту систему тематико-типологических аналогий, можно отметить, что сюжет рассказа Бунина «День за день: Старая история» (опубликован в «Орловском вестнике» 22 ноября 1889 г.) соотносим с проблематикой «Крейцеровой сонаты» (опубликована в 1890 г., в том же году прочитана Буниным). Бунин вновь как бы предвосхитил проблематику, поднятую Толстым, предложив зарисовку состоятельной елецкой семьи, где муж и жена, во-первых, ничем не занимаются, по Толстому — живут пустой жизнью, а во-вторых, по сути, чужие друг другу люди. В отличие от рассказов с крестьянской тематикой, мотивное наполнение темы звучит вполне по-толстовски:

> Она сама не знала, зачем вышла замуж за Кондаурова. Когда они венчались, она не думала определенно о цели этой свадьбы; венчалась потому, что другие венчаются, выходят замуж, — и она должна была идти. <...> Пре-

1 Мы не можем сказать точно, прочитал ли шестнадцатилетний Бунин повесть именно тогда, когда с ней знакомилась вся читающая Россия, или на несколько лет позже. Впоследствии он неоднократно будет говорить и писать о «Смерти Ивана Ильича». А в 1933 г. в интервью газете «Сегодня», описывая литературную ситуацию 1880-х гг., поставит «Смерть Ивана Ильича» рядом с «Крейцеровой сонатой» как самые значительные произведения той эпохи. См. подробнее: [2, с. 16].

> жде она почему-то вовсе не чувствовала болезненного чувства неудовлетворенности от того, что жила день за днем, однообразно и скучно; теперь же это чувство развилось до громадных размеров.
>
> — Господи! что же будет дальше, — думала она, и болезненная тоска все возрастала; неужели я теперь погребена и на целую, да, на целую жизнь осталась в Ельце?.. Неужто дни будут проходить так же бесцельно. Вот теперь зима, потом весна, лето и опять все сначала. И весна, и зима, и лето — я наперед знаю, как пройдут. Те же дни, тот же обед, сцены после обеда до тусклых сумерек?! Она села на кровать и вздернула плечами... Она боялась даже дальше думать об этом [12].

Среди толстовских мотивов появляются и традиционные для левой среды (выпущенные в приведенной цитате) рассуждения о неразвитости героини и отсутствии у нее «идеалов, стремлений». Они заимствованы, скорее всего, из народнической картины мира, в которой важное место занимало идейное развитие девушек: чтение ими соответствующей литературы и формулирование жизненных задач. Понятно, что в 1889 г. для Бунина еще актуальны эти мотивировки характера персонажа, практически повсеместно распространенные в народнической литературе. Однако общая тональность текста значительно ближе Толстому, чем, например, Чернышевскому — идейному вдохновителю этой литературы в сфере «женского вопроса»: трудно представить себе какое-нибудь дальнейшее «развитие» Надежды Федоровны. Ощутив трагическую пустоту жизни, она, скорее всего, заведет какую-либо интрижку. Эта линия намечена: героиня хочет отомстить мужу, вспоминает о молодом учителе уездного училища, пытается ему написать и пригласить на вечер, но бросает. Скорее всего, назревающее решение просто отложено, ведь героине нечем больше скрасить жизнь. Муж ею совершенно не интересуется, разговаривает с ней по-хамски, и она сама понимает, что в ее жизни «все, так сказать, кончено...» [12]. Из бунинского текста вытекает, по сути, очень толстовская мысль: само устройство института брака влечет жизненную пустоту, супружеские измены и разрушение брака изнутри.

Эта работа Бунина «на опережение» Толстого свидетельствует одновременно о двух вещах. Во-первых, о том, что толстовские темы носились в воздухе эпохи: особенно остро их чувствовали те, кому народническая

идеология начинала казаться узкой. Во-вторых, о мировоззренческой близости Бунина и Толстого. Бунин думал о том же, что и Толстой, и приходил к похожим выводам (разве что формулировал их не так радикально). Когда же Толстой высказывался на уже обдуманную им тему, Бунин бывал поражен: насколько ярко и насколько смело была подана та художественная идея, которую он сам уже пытался воплотить. Именно такой была реакция Бунина (за несколько месяцев до того написавшего рассказ «День за день») на появление «Крейцеровой сонаты» — исключительное восхищение[2]. Местами заметна и бунинская специфика развития темы: самое ужасное для Надежды Федоровны — не бессмысленность дней, как было бы у Толстого, а их однообразная тягучесть. К теме пустоты жизни добавляется характерно бунинский мотив (который будет значительно развит в зрелом творчестве писателя) — страх от самого утекания времени, приближающего к смерти.

В той же системе значений можно рассмотреть и восхищение Буниным «Хозяином и работником» Толстого тотчас после выхода рассказа в 1895 г.[3]: Толстой мастерски сделал то, что он сам только нащупывал в «Двух странниках» в 1887 г. и позднее (переработка и публикация нового варианта этого рассказа через два года после первой публикации говорят о том, что произведение казалось Бунину немаловажным). Притча, вырастающая из бытовой трагической истории о замерзающих в метель, — именно то, что пытался сделать юный Бунин. Толстой рукою мастера явил ему образец.

Не менее важен для ранней прозы Бунина и некий «тон» Толстого, заимствованный из его ранней прозы. Так, в рассказе «Первая любовь: Из воспоминаний детства» (1890) три тематически различных части. Первая посвящена дружбе мальчиков, проводящих лето в деревне. Сценки и диалоги между ними напоминают главы из «Детства» (см., например, главу VIII «Игры») или «Отрочества» (см. главу V «Старший брат», в которой Николенька мирится и ссорится с братом Володей, или главу XIII «Изменница», где рассказывается о детских играх) не столько деталями или сюжетными

2 Чуть позднее он был сбит с толку «Послесловием» к ней (см. подробнее: [8]), но само произведение оценил чрезвычайно высоко.

3 В воспоминаниях Бунина, вошедших в книгу «Освобождение Толстого» (1937), рассказано о посещении Толстого весной 1895 г. Бунин застал великого писателя за чтением только что вышедшего «Хозяина и работника»: «Я, от восхищения перед этой вещью, имел бестактность издать восторженное восклицание. А он покраснел, замахал руками: — Ах, не говорите! Это ужас, это так ничтожно, что мне по улицам ходить стыдно!» [14, с. 88–89].

поворотами, сколько общим «тоном». Бунин выстраивает яркий диалог с использованием детского языка и мальчишеского сленга, а также особых детских интонаций, передающих быстрые перемены настроения и т. д. Тема отроческой влюбленности (Лева уличает Митю во влюбленности в его двоюродную сестру Сашу; Митя вспоминает разговор с Сашей, из которого можно заключить, что он ей тоже нравится) решена во многом так же, как у Толстого.

Вторая часть рассказа — поездка с дядей и встретившимся по пути крестьянским обозом в город — использует иной материал. Она построена на «письме с натуры» — реальных крестьянских диалогах, услышанных автором (см. об этом подробнее: [9, с. 151–152]). Интересен и разговор героя с дядей, который, во-первых, ярко характеризует персонажей, во-вторых, многое говорит о специфике их взаимоотношений. Третья часть, в которой герой пытается навестить Александру Брянцеву (героиню зовут так же, как и в более ранней повести «Увлечение») в гимназии, но из свидания ничего толком не выходит, возвращает подростковый диалог первой части, в который — жирной точкой концовки — вклинивается просторечие дяди. Как и в первой части рассказа, в качестве подтекстуальных значений, дополняющих речевые характеристики, используется смущение и покраснение героев:

> Смущенно и радостно улыбаясь, я подал ей руку. Около нас толпилось человек пятнадцать ее подруг и потому мы отошли к самым выходным стеклянным дверям.
>
> — Когда же вы едете? — спросила Саша.
>
> — Завтра, — сказал я, то расстегивая, то застегивая пряжку пояса. — Зашел проститься... Вам хоть немного будет меня жалко?..
>
> Саша покраснела и хотела что-то ответить... Но вдруг стеклянные двери отворились и вошел... дядя! Я обмер.
>
> — Что же ты тут ночевать что ли остался? — сказал он сердито, стоя передо мною с кнутом в руке. («Как мужик!» — мелькнуло у меня в голове). — Ждал, ждал тебя! Наконец, решился подъехать сам [15, 14 февраля, с. 3].

В этом эпизоде нет прямого влияния Толстого, но уже профессионально использованы те приемы, которые Бунин мог обнаружить, на-

пример, в первой части «Войны и мира» (см., например, любовную сцену Наташи с Борисом Друбецким в главе XIII). Различное видение ситуации взрослым и подростком, обыгрываемое в этом эпизоде, можно тоже типологически отнести к толстовскому изображению процесса взросления. Н.М. Кучеровский считал, что «Первая любовь» — наиболее «бунинский» текст из раннего творчества Бунина [3, с. 105]. Это утверждение отчасти спровоцировала тема рассказа, отчасти же, надо полагать, мастерство нюансировки диалога, предвещающее зрелую бунинскую поэтику.

В 1891 г. в рассказе «Мелкопоместные» Толстой впервые появляется как тема (пока эпизодическая и проходная) разговоров провинциальных помещиков. Один из острословов придумывает эвфемизм, заменяющий понятие «пьянство»:

> — Ну, ты нынче, должно быть, всю дорогу «совершенствовался».
>
> — Как «совершенствовался»?..
>
> <...>
>
> — Да ну, слушай же... Я по дороге забрел в Новоселки, — нужно было к мировому, — а они сказали, что проедут в Коровий верх. Только, понимаешь, выхожу от мирового, глядь — лошадки мои стоят смирнехонько около Иван Михайлова, а они, голубчики, второе «горлышко откусывают». — «Вы зачем сюда»? — «Дурак ты, говорит Крутиков, неужто ты не знаешь, что Толстой проповедует “совершенствование”? Вот мы и “совершенствуемся”»...
>
> Оба захохотали, закурили, и беседа снова потекла в том же духе [13, 27 октября, с. 2].

Понятие «самосовершенствование» — одно из центральных в моральной проповеди Толстого. Оно многократно используется в дневниках писателя (собственно, основная цель ведения дневника, как определял ее для себя Толстой, — это самосовершенствование), а также появляется в статьях и морально-религиозных трактатах. Герои «Мелкопоместных» превращают толстовское понятие в собственную противоположность. Толстой категорически выступает против пьянства (и употребления алкоголя вообще), полагая, что любое одурманивание рассудка мешает свободному размышлению о себе и в конечном счете самосовершенствованию. Они же

называют «совершенствованием» временное улучшение самочувствия, которое достигается при помощи алкогольного опьянения.

Тем не менее шутка свидетельствует о том, что обсуждение Толстого и толстовства было общим местом провинциальных разговоров. Этот смысл поддержан и следующим пассажем, которым заканчивается обширная характеристика богатых елецких помещиков. Черты прежней помещичьей жизни они соединяют с новыми обычаями: «...ездить на выставки, толковать о “порядочности”, о Толстом, о модных политических новостях, о практичности американцев, о школах и земских больницах, участвовать в любительских спектаклях, картавить, говорить: “вы дугак” лакеям и т. д., и т. д.» [13, 29 ноября, с. 2].

Общий «тон», в котором выдержаны «Мелкопоместные», не имеет ничего общего с толстовским: отчетливо звучат местами гоголевские, местами тургеневские интонации. Тон начинающий писатель подбирает тематически: для рассказа о мелкопоместных дворянах подходят интонации гоголевских повестей и рассказов из «Записок охотника», в которых центральными героями были те самые мелкопоместные. Таков же и рассказ «Помещик Воргольский» (подзаголовок «Из очерков “Старое и новое”»; 1892). Литературное влияние Толстого в нем не ощущается, но толстовство снова присутствует в тексте как важная современная тема и предмет дворянских толков. Если в «Мелкопоместных» она только обозначена, то здесь существенно расширена:

> — Вы, кажется, ярый последователь теории Толстого? — все хотите делать сами, — пошутил Сергей Сергеич, когда я вернулся.
>
> — Страстный! — ответил я в том же тоне.
>
> Тогда Сергей Сергеич сделал серьезное лицо и сказал:
>
> — A propos, читали вы новую книжку Скабичевского — «Толстой как художник и моралист»?
>
> — То есть барона Дистерло? — спросил я.
>
> — Да, да, Дистерло, — поспешно подтвердил Сергей Сергеич и, показав таким образом, что он перемешал фамилии из-за «глупейшей» рассеянности, авторитетно начал делать критические замечания на «книжечку».
>
> Потом перешел к самому Толстому, сказал несколько интересных фраз насчет его «теорий», прибавляя к ним, как к собственным мнениям:

«мне кажется», «я думаю» — и наконец, доставая портсигар, быстро закурил папиросу, изящно помотал спичкой, элегантно бросил ее, откинулся к спинке стула и заключил:

— Мне, по правде сказать, жаль его: запутался старик! [16, 5 июня, с. 2]

Сергей Сергеевич, с которым ведет диалог повествователь, разбирается в предмете плохо, но это сама по себе важная деталь: раз обычный салонный болтун кое-как освоил тему, значит, о Толстом говорят все. Название работы Р.А. Дистерло, вышедшей в 1886 г., после появления «Смерти Ивана Ильича» (анализ художественного творчества Толстого завершается в книге именно этим произведением), указывает направление всеобщих разговоров: во-первых, Толстой-художник и Толстой-моралист нередко рассматриваются отдельно друг от друга (Р.А. Дистерло, по сути, рецензирует 12-томное собрание сочинений; сначала он говорит о художественных произведениях; последние же две главы своей книги, десятую и одиннадцатую, автор посвящает этическому учению Толстого); во-вторых, критик весьма уважительно рассуждает о прагматической этике Толстого, которая, с его точки зрения, демонстрирует новейшие тенденции философской мысли: отказ от научного позитивизма, формирование новой религиозности, сосредоточенность на человеческой душе [18]. Сергей Сергеевич тем не менее, излагая общие места тогдашней критики, делает иной вывод, чем невыгодно отличается от барона Дистерло. Упоминаемая книга и болтовня персонажа как бы противопоставлены в этом контексте.

Интересно, что у народника А.М. Скабичевского есть книга с очень похожим заглавием — «Граф Л.Н. Толстой как художник и мыслитель», которая вышла практически одновременно с сочинением Р.А. Дистерло, в 1887 г. Построена она похожим образом: сначала идет очерк творчества Толстого (до 1872 г.), за ним следует статья «Разлад художника и мыслителя (По поводу романа гр. Л. Толстого “Анна Каренина”)», а завершает книгу раздел «Мысли и заметки по поводу нравственно-философских идей гр. Л. Толстого», в свою очередь тоже разделенный на несколько частей. Одна из них посвящена пяти условиям счастья, которые Бунин считал самым важным для себя в учении Толстого[4]. Скабичевский не оспаривает эти

4 Пять условий счастья сформулированы в трактате «В чем моя вера?» [20, с. 418–421]. Не исключено, что в те годы Бунин мог не знать трактат целиком (он был запрещен в России,

условия счастья, но утверждает, что Толстой изрекает неоспоримые истины [19, с. 148]. А все учение Толстого, по мнению Скабичевского, похоже на то, как если бы математик вдруг взял и увлекся таблицей умножения, отвергая все более сложные разделы своей науки [19, с. 146]. В дальнейшем критик почти поучает писателя: непротивление злу насилием есть недостижимый идеал, а суды, армии и прочие человеческие институции призваны сдерживать дикость людских инстинктов. Другая часть «Граф Л. Толстой о женском вопросе» построена на жизненном примере: критик пишет об идеальной семье, в которой жена выучилась на учительницу, трудится не покладая рук и приносит треть семейного бюджета, а также идеально содержит дом и прекрасно занимается детьми. Ее, ранее большую поклонницу Толстого, привели в ярость мысли великого писателя о предназначении женщин и бесполезности женского образования.

Таким образом, Сергей Сергеич из «Помещика Воргольского» спутал, скорее, не автора, а заглавие. Он в своих суждениях о Толстом более опирается на «жизненную» критику Скабичевского, чем на взвешенный анализ Дистерло. Называние двух этих фамилий получает функцию подтекстуальной полемики с теми, кто судит о Толстом слишком поверхностно, тем более что сам Воргольский в завершение разговора уверяет своих собеседников в том, что Толстой раньше был министром, и не хочет слышать возражений.

Впрочем, приведенный эпизод не играет существенной роли в развитии сюжета. Остается неясным, действительно ли повествователь (которому переданы имя и отчество автора: Иван Алексеевич) страстный поклонник Толстого, или его ответ шутлив. Он приехал в поместье из университетского Харькова, где теория Толстого, вероятно, разбирается по Дистерло или Скабичевскому. С другой стороны, в Харьковской губернии и Харькове довольно много толстовцев — поэтому однозначного ответа, всерьез или нет ответил Иван Алексеевич, быть не может. Так или иначе, следует отметить, что учение Толстого из проходной шутки превращается в произведениях Бунина начала 1890-х гг. в одну из тем для светского разговора.

В рассказе «Тарантелла» (авторская дата: 1893; первая публикация: 1896; начиная с публикации 1912 г. заглавие: «Учитель») можно увидеть сле-

но широко расходился в виде копий с экземпляров, запрещенных цензурой), однако часть X главы в виде статьи под заглавием «В чем счастье?» была опубликована в первой книжке журнала «Русское богатство» за 1886 г. Подробнее об этом см.: [7].

дующий шаг: Толстой и толстовство присутствует в тексте не только как тема светского разговора, но и в качестве символического визуального знака. В гостиной богатых и просвещенных помещиков Линтваревых княжны Трипольские упоминают Толстого в разговоре о знакомых и знаменитостях. Часть гостей постоянно живет в провинции, им интересен сам факт, что собеседники видели Толстого; для остальных же, тоже бывающих в столицах, — это обычная светская болтовня: «Потом Трипольские стали рассказывать про своих питерских знакомых, про Толстого, которого встретили в Москве на улице, про поэта Надсона» [17, с. 75]. Визуальным же знаком — в дополнение к этому разговору — будет большой портрет Толстого, писанный масляными красками, висящий в столовой Линтваревых. Этот портрет демонстрирует как демократические симпатии хозяев, так и стремление ко всему доброму и светлому — например, к просвещению деревни. Исходя из этих убеждений Линтварев, вероятно, и пригласил к себе на Рождество земского учителя Турбина, не подумав, как тот будет осваиваться в его богатом интеллигентском кругу.

При этом разговор, который пытается завести Турбин, на единственную более-менее знакомую ему тему — о профессиональном образовании — тоже имеет толстовский оттенок. Турбин упоминает сочинения известного русского педагога Н.Ф. Весселя о профшколах и обучении детей ремеслам, но, как и Толстой, считает, что любой крестьянин умеет работать руками лучше, чем интеллигент-учитель, а крестьянского ребенка нечего учить ремеслу, потому что он и так осваивает все ремесла в хозяйстве. Собеседники (Линтварев и богатый помещик Беклемишев, влиятельный земский гласный) говорить об этом не желают и третируют Турбина:

> — <…> Когда мне, позвольте спросить, обучать своего какого-либо мальца мастерить разные безделушки, когда он сам, в своем быту, так сказать…
>
> — Зачем же непременно безделушки? [17, с. 76]

Произносящий последнюю реплику цепляется к неудачному слову, использованному Турбиным, но по сути спора ничего не высказывает; Турбин не кажется Линтвареву и Беклемишеву стоящим собеседником, они продолжают разговор о том, чего учитель не знает. Суть педагоги-

ческой проблемы, по-видимому, не слишком интересует богатых помещиков.

В этом рассказе тема Толстого уже не случайна и не эпизодична. Она выстраивает систему подтекстовых смыслов, осуждающих либеральных бар и оправдывающих искренние порывы не слишком образованного, но стремящегося к знанию сельского учителя. Взгляды Толстого и толстовское общественное устройство, как оно реализуется в толстовских кружках и колониях (открытость представителям любых сословий и людям любого уровня образования), оказываются честнее и искреннее, чем псевдодемократические потуги богатых помещиков.

Итак, толстовство, включаемое поначалу в бунинские тексты как случайная деталь, со временем трансформируется в обсуждаемую героями тему, а затем начинает организовывать некоторые значения подтекста. Следует признать, что еще до того момента, когда рассказы Бунина появились в «Русском богатстве» и был написан рассказ «На даче» (в нем толстовец стал главным героем), темы Л.Н. Толстого, толстовский «тон» и тематика толстовства уже играли существенную роль в прозаическом творчестве И.А. Бунина, не говоря об эффекте «опережения Толстого»: именно этот эффект, вероятнее всего, заставил Бунина остро ощутить свое творческое родство с Толстым.

Отметим, что в рассказе «Тарантелла» Толстой и Надсон (как прозаик и поэт — самые обсуждаемые фигуры текущего литературного процесса) стоят рядом. Возможно, что здесь молодой Бунин проговорился: это поэт и прозаик, разбудившие его поэтическое и прозаическое воображение. И если краткая история увлечения Бунина Надсоном давно известна, то история увлечения Бунина Толстым еще требует дополнительного изучения. Как видим, влияние Толстого как на тексты Бунина, так и на его мировоззрение началось одновременно с прозаическим творчеством Бунина. И продолжалось несколько десятилетий.

Список литературы

Исследования

1 *Анисимов К.В.* Толстовская парадигма «Хозяина и работника» у Бунина: «метельный (кон)текст» философии субъекта // Критика и семиотика. 2018. № 1. С. 187–215. DOI: 10/25205/2307-1737-2018-1-187-215

2 *Бабореко А.К.* И.А. Бунин: Материалы для биографии с 1870 по 1917. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1983. 351 с.

3 *Кучеровский Н.* Братья Бунины (Начало литературной деятельности И.А. Бунина) // Из истории русской литературы XIX века. Калуга: [Б. и.], 1966. С. 85–109.

4 *Кучеровский Н.М.* И. Бунин и его проза (1887–1917). Тула: Приокское книжное изд-во, 1980. 319 с.

5 *Кучеровский Н.* «Мундир» толстовства (Молодой И.А. Бунин и толстовство) // Из истории русской литературы XIX века. Калуга: [Б. и.], 1966. С. 110–131.

6 *Мальцев Ю.В.* Иван Бунин. 1870–1953. [М.]: Посев, 1994. 432 с.

7 *Пономарев Е.Р.* И.А. Бунин и Л.Н. Толстой: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2000. 23 с.

8 *Пономарев Е.Р.* И.А. Бунин и Л.Н. Толстой: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2000. 377 с.

9 *Пономарев Е.Р.* «Письмо с натуры»: Автобиографический материал в ранней прозе И.А. Бунина // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 3. С. 148–167. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-148-167

Источники

10 *Бунин И.А.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. 273 с.

11 *Бунин Ив.* Два странника // Родина. 1887. № 39. 28 сентября. Стб. 1224–1229.

12 *Бунин Ив.* День за день: Старая история // Орловский вестник. 1889. 22 ноября. № 156. С. 2.

13 *Б<унин> И.А.* Мелкопоместные // Орловский вестник. 1891. 27 октября. № 285. С. 2; 29 ноября. № 317. С. 2; 8 декабря. № 326. С. 2–3; 13 декабря. № 331. С. 2–3; 17 декабря. № 335. С. 2–3; 22 декабря. № 340. С. 2.

14 *Бунин И.А.* Освобождение Толстого. Paris: YMCA-Press, 1937. 255 с.

15 *Бунин И.А.* Первая любовь. Из воспоминаний детства // Орловский вестник. 1890. 13 февраля. № 26. С. 2; 14 февраля. № 27. С. 2–3.

16 *Бунин И.А.* Помещик Воргольский // Орловский вестник. 1892. 3 июня. № 143. С. 2; 4 июня. № 144. С. 2–3; 5 июня. № 145. С. 2; 6 июня. № 146. С. 2.

17 *Бунин И.А.* Тарантелла (Из жизни деревенской интеллигенции) // Новое слово. 1896. № 7. С. 45–93.

18 *Дистерло Р.А.* Граф Л.Н. Толстой как художник и моралист. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1886. 200 с.

19 *Скабичевский А.М.* Граф Л.Н. Толстой как художник и мыслитель: Критич. очерки и заметки СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887. [4], 235 с.
20 *Толстой Л.Н.* В чем моя вера? // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. Т. 23. С. 304–465.

References

1 Anisimov, K.V. “Tolstovaskaia paradigma ‘Khoziaina i rabotnika’ u Bunina: ‘metel’nyi kontekst’ filosofii sub”ekta” [“Bunin and the Tolstoy’s Paradigm of ‘Master and Man’: The ‘Snowstorm (Con)text’ of the Philosophy of Subject”]. *Kritika i semiotika*, no. 1, 2018, pp. 187–215. DOI: 10/25205/2307-1737-2018-1-187-215 (In Russ.)
2 Baboreko, A.K. *I.A. Bunin. Materialy dlia bibliografii s 1870 po 1917* [*I.A. Bunin. Materials for the Biography from 1870 to 1917*]. 2nd ed. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1983. 351 p. (In Russ.)
3 Kucherovskii, N.M. “Brat’ia Buniny (Nachalo literaturnoi deiatel’nosti I.A. Bunina)” [“Brothers Bunin (The Beginning of Ivan Bunin’s Literary Activity”]. *Iz istorii russkoi literatury XIX veka* [*From the History of Russian Literature of 19th Century*]. Kaluga, [S. n.], 1966, pp. 85–109. (In Russ.)
4 Kucherovskii, N.M. *I. Bunin i ego proza* [*Ivan Bunin and His Prose*]. Tula, Priokskoe Publ., 1980. 319 p. (In Russ.)
5 Kucherovskii, N.M. “‘Mundir’ tolstovstva (Molodoi I.A. Bunin i tolstovstvo)” [“‘The Uniform’ of Tolstoyanism (Young I.A. Bunin and Tolstoyanism”]. *Iz istorii russkoi literatury XIX veka* [*From the History of Russian Literature of 19th Century*]. Kaluga, [S. n.], 1966, pp. 110–131. (In Russ.)
6 Mal’tsev, Iu.V. *Ivan Bunin. 1870–1953* [*Ivan Bunin. 1870–1953*]. [Moscow], Posev Publ., 1994. 432 p. (In Russ.)
7 Ponomarev, E.R. *I.A. Bunin and L.N. Tolstoy* [*I.A. Bunin and L.N. Tolstoy: PhD Thesis, Summary*]. St. Petersburg, 2000. 23 p. (In Russ.)
8 Ponomarev, E.R. *I.A. Bunin and L.N. Tolstoy* [*I.A. Bunin and L.N. Tolstoy: PhD Dissertation*]. St. Petersburg, 2000. 377 p. (In Russ.)
9 Ponomarev, E.R. “‘Pis’mo s natury’: Avtobiograficheskii material v rannei proze I.A. Bunina” [“‘Letters from Nature’: Autobiographical Material in the Early Prose of Ivan Bunin”]. *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, 2023, pp. 148–167. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-148-167 (In Russ.)